

Станислав КУНЯЕВ

ПОЧВА И СУДЬБА

Я много лет подряд бродил по Тянь-Шаню, где в базальтовых ущельях режут голубые пенные реки, где шум воды сливается с грохотом громадных обкатанных глыб, которые волочит река по своему руслу. Порой такие реки случается переходить по узким колеблющимся мосткам. Их каждую весну после очередного паводка наводят местные жители. Мосток шириной в метр-полтора сделан из двух перекинутых с берега на берег тополиных ошкуренных стволов, пространство между которыми заплетено хворостом. Если переходить реку по такому качающемуся мостику, то лучше не глядеть под ноги или в сторону на бешено летящую воду. Но не глядеть тоже нельзя...

Душа поэта – такой же полуфантастический и все же реально существующий мост, связывающий самые разные стихии: материальное жизнелюбие и духовные взлёты, время и вечность, своё задумчивое одиночество и любовь ко всему земному в мире. А то, что Николай Колмогоров – истинный поэт, я понял ещё года два назад, когда распечатал конверт со стихами, и первое же стихотворение дохнуло на меня воздухом жизнелюбия, весны, влаги...

**«Там хлопает громко бельё
и гроздь рубах пузырятся.
Пусть оторопь душу берёт –
свободы не надо пугаться.
Ведь в гулкой долине двора,
на улицах – толпы народа
шумят и пьянеют с утра
от синей реки кислорода»**

«На земле светло» – так назвал поэт свою первую книгу. Имя книги выбрано удачно. Колмогоров любит свет, утро, весну, его молодое дарование жизнерадостно по своей природе:

**«Непобедима жизнь! Бронза и мякоть плода!
Эти яблоки ешь, эти дожди пей!
И запрокинь лицо перед рекой небосвода,
и говори с улыбкой: лей, моё небо, лей!»**

Чувство природы, ощущение живого родства с зелёным полем, синим небом и светлой рекой – вот горячее, на котором работает мотор поэзии Колмогорова. Смотрите, с какой точностью графика и в то же время с интонацией лирика он видит окружающий мир:

**«Чуть видимые вкраплены в поля
кустарники с промёрзшими ветвями,
и тополей прозрачных толчея
зимует в синеве над берегами»**

Думаю, судя по этим и многим другим стихам, что Николая Заболоцкого и Бориса Пастернака молодой поэт читал как своих учителей. А из поколения молодых поэтов России ему, наверное, близок Николай Рубцов.

Но не только природа, но и человек, и наша обыденная земная жизнь дороги поэту. Его стихи о детстве, о матери и отце, о своей небольшой родине – районном городке, полугороде-полудеревне, стихи о любимой женщине человечны и просты. А значит – глубоки. Душа поэта понимает и голоса травы, и судьбы людей:

**«Отчётливо, как никогда доньше,
увижу вновь январскую тайгу,
Сибирь мою и снегирей в полях,
и лёд ручья, мерцающий в логу,
домишки, спящие о трёх больших дорогах,
невесть куда пробитых внутрь зимы,
ребят под пологом пространства белолобых
и их родителей в горячей дрёме тьмы...»**

Доверчивый читатель вправе спросить меня: кого же я представляю таким «велеречивым» предисловием – начинающего поэта или уже мастера? Не знаю. Знаю одно – представляю поэта талантливого, со свежей и жизнелюбивой первой книгой. Как он будет писать дальше – это его дело. Поэзия – не баловство. Когда в стихах начинают дышать «почва и судьба», трудно что-либо предсказать. Но мне кажется, что молодой поэт – лишь бы не оставила его на жизненном пути творческая воля, не увлекла бы в свои осенние леса лирическая созерцательность – и сам уже знает, что подтверждать слово судьбою нелегко и что только подтверждение сулит нам настоящие удачи.

Москва, 1977 г.